

Козлова Мария Александровна

аспирант, ассистент кафедры статистики,
эконометрики и информатики
Уральского государственного
экономического университета

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СССР В СОВРЕМЕННОМ РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ [1]

Аннотация:

В статье анализируется статистика культуры советского периода по развитию сети библиотек, музеев, клубных учреждений, а также издательстве с целью определения значимости влияния всего культурного строительства на современную ситуацию, которая складывается в сфере культуры. Кроме того проводится анализ статистики в разрезе город-село и в разрезе субъектов РСФСР для определения того, чтобы было оставлено и сегодня способствует региональному развитию экономики культуры.

Ключевые слова:

региональное развитие, региональная экономика, экономика культуры, культурное строительство, культурная политика, издательское дело, музеи, библиотеки, учреждения культурно-досугового типа.

Kozlova Maria Aleksandrovna

PhD student, Assistant,
Statistics, Econometrics
and Computer Science Department,
Ural State University of Economics

ROLE OF CULTURAL CONSTRUCTION OF THE USSR IN THE CONTEMPORARY REGIONAL DEVELOPMENT [1]

Summary:

The article deals with the cultural statistics of the Soviet period as regarding development of libraries, museums, clubs, publishing houses, in order to assess relevance of the cultural construction activities' influence on the contemporary state of the cultural sphere. Besides, the author analyzes the statistic data in terms of city-village and constituent entities of the RSFSR in order to define the aspects contributing to the regional development of the culture today.

Keywords:

regional development, regional economy, cultural economics, cultural construction, cultural policy, publishing, libraries, museum, clubs.

Национальный уровень в экономической теории традиционно считается приоритетным, и поэтому изначально региональные исследования оказывались на периферии экономической мысли. Кризис экономической теории, связанный с доминированием абстракции в построениях моделей, вывел в авангард региональную экономику и сформировал понимание значимости регионального развития. Сегодня региональные исследования очень актуальны в силу того, что локальные точки роста и инициативы становятся двигателями экономического развития на макроуровне. То же можно сказать и о культуре и, в большей степени, креативности, которая оказывается ключом к объяснениям многих экономических явлений и процессов.

Сфера культуры в российской промышленно ориентированной экономике оказывается с начала 1990-х гг. на последних местах как по значимости, по мнению чиновников, так и по объемам финансирования со стороны государства. Так, среди базовых федеральных законов о регулировании определенных сторон жизни общества нет закона о культуре, существует только законопроект, который пока остается в таком статусе. Он некоторым образом приближает существующий в понятии аппарат к тому, что используется в официальных документах международных организаций, в сущности, его принятие никаких кардинальных перемен не внесет. Так, особого внимания заслуживают два определения – культуры и культурного разнообразия. По своим формулировкам они приближаются к понятиям в отчетах ЮНЕСКО.

В остальном, что касается понятийного аппарата, этот законопроект повторяет «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 09.10.1992 г. Реализация тех задач, которые ставит перед собой государство в рамках культурной политики, невозможна без определения финансирования деятельности институтов культурной сферы. Так, в законе 1992 г. ст. 45 касалась государственного финансирования с указанием на конкретные суммы (в процентах). Но с начала 2000-х гг. эта норма не применялась, так как «не обеспечивалась соответствующими бюджетами», а затем утратила силу из-за принятого закона о монетизации льгот [2, с. 46]. Новый закон «О культуре в Российской Федерации» также содержит статью о государственном финансировании, но как отмечает В.Ю. Музычук, «возвращение в текст законопроекта нормы о бюджетном финансировании культуры как основы реализации государственных гарантий сохранения и развития культуры без указания конкретных механизмов финансового обес-

печения по существу ничего не меняет, закрепляя за культурой как «ресурсом инновационного развития» пресловутый остаточный принцип ее финансирования» [3].

На фоне такого отношения к сфере культуры исследование роли исторического фактора в современном развитии институтов культуры оказывается особенно актуальным, так как во многом их функционирование обязано тому наследию и традициям работы в учреждениях культуры, которые были сформированы в годы существования советского государства.

В духе риторики советских идеологических лозунгов и работ марксизма-ленинизма создание сети культурных учреждений было названо культурным строительством. Этот термин был особенно популярен в 1930-е гг., в это время создавалась система показателей статистики культуры и вышли ряд статистических сборников с одноименным названием («Культурное строительство в ... году»), кроме того изданы монографии и труды исследовательского характера о культурном строительстве с использованием традиционных для анализа промышленности понятий, таких, как пятилетки, планы, достижения.

В послевоенное время сам термин «культурное строительство» стал применяться все реже: статистические сборники переименовали, а аналитические материалы использовали это словосочетание только в качестве исторического понятия, связанного с процессами формирования институтов культуры в 1920–1930-е гг. В этой статье мы будем использовать термин «культурное строительство» применительно ко всему периоду 1920–1980-х гг., понимая под ним процессы развития в сфере культуры.

В конце 1920-х гг. в период относительной стабилизации ситуации на политической арене новая советская власть серьезно озаботилась о том, чтобы укрепить свои позиции не только и не столько силой, сколько идеями, вылившимися в идеологическое направление их деятельности: «Декреты и указы, принятые сразу же после революции, а также другие меры, затрагивающие газеты, библиотеки, издательства, школы, показывают, что партия большевиков стремилась контролировать все институты, участвующие в формировании образа мыслей народа; кроме того, она вела целенаправленную политику в области культуры, стараясь быстро и эффективно поднять образовательный уровень населения, особенно рабочих и крестьян» [4, с. 26]. Отдельно можно выделить законодательство, касающееся регулирования деятельности институтов культуры в сельской местности, на заседания эти темы поднимались в особом порядке. Уже на Восьмом съезде РКП(б) в марте 1919 г. был рассмотрен вопрос «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне», который наряду с общим и «агрономическим» образованием крестьян затрагивал и создание учреждений культуры на селе: «Кинематограф, театры, концерты, выставки и т.п., поскольку они будут проникать в деревню, а к этому должны быть приложены всяческие усилия, необходимо использовать для коммунистической пропаганды как непосредственно, то есть через их содержание, так и путем сочетания их с лекциями и митингами» [5, ч. 1, с. 451]. Позднее вопросы культурного строительства рассматривались как равные проблемам социально-экономической сферы. Так, в октябре 1927 г. среди прочего в докладе «О работе в деревне» при формулировке итоговых задач партии были выдвинуты тезисы о «культурной работе» в восьмом пункте наряду с государственно-плановым регулированием, налогообложением, кооперацией и т.д. В частности, «особое внимание обратить на развитие дела деревенских радиоустановок, кино, усиление сети библиотечек и т.п.» [6].

Что касается практической реализации идеи о значимости деревни как поля идеологического воспитания, то стоит отметить, что в статистических сборниках 1930-х гг. деление на деревню и город было чуть ли не самым важным, а по темпам роста отдельных показателей статистики формирование сети учреждений культуры на селе шло интенсивнее. Так, по данным последнего довоенного сборника с названием «Культурное строительство СССР» за период 1922–1939-е гг. рост числа книг в библиотеках сел был больше на 42,2 процентных пункта аналогичного показателя по городам. В сельской местности число клубных учреждений за тот же период выросло в 4,58 раз, в городах – только в 2,46 раза. В те же годы наблюдается колоссальный разрыв в росте числа киноустановок в городах и в сельской местности – 2 163 % против 8 911 % соответственно. Как уже отмечалось выше, советское правительство уделяло особое внимание общему и «агрономическому» образованию, в 1930-е гг. литература по сельскому хозяйству выделялась отдельно и по значимости была в тройке лидеров: по состоянию на 1938 г. доля наименований в общем выпуске составила 7,1 %. Периодика по сельскому хозяйству занимала 10,3 % по числу названий и 5,1 % по тиражу [7, с. 141–217].

Особый интерес вызывает общая ситуация, складывающаяся не в разрезе город-деревня, а относительно культурного строительства в субъектах РСФСР и союзных республиках. Уникальная ситуация, сложившаяся еще до появления советского государства, сохранилась и сегодня: речь идет о колоссальной централизации всех культурных процессов, поэтому сравнивать регионы с Москвой и Ленинградом оказывается бессмысленным. В данном случае

анализ культурного строительства делится на две части – по субъектам РСФСР (союзные республики нам менее интересны в связи с тем, что мы рассматриваем влияние исторического фактора на современную ситуацию в российской экономике) и по этим двум городам. Что касается Москвы, то политико-инфраструктурная ситуация в ней была такова, что там формировались органы управления и учреждения как союзного, там республиканского подчинения. В результате, Россия в 1990-е гг. получила, например, издательства «Художественная литература», «Музыка», находящиеся в ведении Госкомиздата СССР, а также «Детская литература», «Просвещение», относимые к Госкомиздату РСФСР.

Несмотря на большую концентрацию институтов культуры в столице, издательства, отвечавшие требованиям политики государства по вопросам идеологии и пропаганды, были сформированы и в регионах страны. В 1960-е гг. укрупненных издательств насчитывалось 18, они находились в подчинении Госкомиздата РСФСР и были расположены во всех частях республики (Алтайское, Волго-Вятское, Восточно-Сибирское, Дальневосточное, Западно-Сибирское, Приволжское, Средне-Уральское, Хабаровское и другие) [8, с. 133–134]. В 1990–2000-е гг. они стали основой для формирования сильных местных издательств либо филиалов крупных издательских сетей.

Наряду с такими укрупненными издательствами существовало также 17 издательств автономных республик. Необходимость в них определялась и языковой ситуацией в регионах, и стремлением правительства обеспечить многокультурному и многоязычному обществу данных территорий доступ к литературе с теми же целями – пропаганды, идеологии и просвещения. Комплексный анализ статистических данных по печати книг, журналов и газет на отдельных территориях показывает, что степень развития издательского дела и охвата населения печатными изданиями выше как раз в среднем в автономных республиках. Так, среди первых 15 регионов по данным показателям (в выборку не вошли Москва и Ленинград) 8 субъектов РСФСР – автономные республики (Татарская, Башкирская, Чувашская АССР и другие). Сегодня многие из тех регионов, которые попали в этот список, лидируют по показателям развития издательского дела. Исключением являются лишь субъекты Северо-Кавказского федерального округа по причинам, связанным с военными конфликтами, начавшимися в 1990-е гг.

Что касается учреждений, условно относимым к отраслям культурного наследия, то есть библиотек и музеев, их количество и качественный состав фондов – это результат советского периода. Обновление фондов библиотек активно происходит и сегодня, но эта система была сформирована в СССР. Особое внимание к библиотечной сети учреждений началось с переписи в 1934 г. По ее итогам, можно отметить, что большая часть как самих библиотек, так и их фондов приходилась на регионы, расположенные до Урала. При этом наблюдается огромный рост в субъектах РСФСР Сибири и Дальнего Востока: в период 1920–1950-е гг. в среднем по республике библиотек стало в 4 раза больше, по некоторым территориям – в 9 раз (Сахалинская область), в 17 (Якутская АССР) раз. В результате оптимизационных процессов 1990–2000-х гг. было потеряно около 26 %, причем в городах – около 50 %, в сельской местности – 15 %. В целом доступность этих учреждений снизилась, и термин «шаговая доступность» заменился на «транспортную доступность». В той же ситуации оказались и учреждения культурно-досугового типа (клубные учреждения – в терминах советской статистики культуры). Их количество сократилось на 35 %.

Что касается музеев, то в данном случае ситуация несколько иная. Наблюдается положительная динамика числа музеев в течение всего времени существования советского государства. Очевидно, что в силу специфики организации музеев темпы роста их числа не могут исчисляться десятками раз. Однако в первой четверти XX в. число музеев стремительно растет: «Если в Российской империи к 1913–1914 гг. имелись около 150–200 музеев и они располагались, в основном, в русских регионах, то к 1928 г. музеев было уже в пять раз больше, и новые возникали, прежде всего, в национальных автономиях. Создание местных музеев отвечало духу времени, ибо строительство национальных автономий требовало демонстрации самобытной культуры и истории соответствующих народов» [9]. Действительно, в РСФСР рост числа музеев в 1928 г. по сравнению с 1913 г. составил 421 %, причем в разрезе типов музеев основной прирост приходится именно на краеведческие, что дополнительно подтверждает сказанное выше.

В дальнейшем таких темпов увеличения количества музеев не прослеживается, но начиная с конца 1960-х гг. наблюдается и в целом, и в разрезе их типов положительная динамика, за редким исключением, касающимся естественнонаучных и отраслевых музеев. Сегодня также мы видим рост их числа – очевидно, что их фонды не могут сравниться с теми, что находятся в распоряжении больших столичных музеев. Скорее, это арт-объекты современного искусства, но такие частные, локальные инициативы обогащают культурную жизнь регионов.

В целом, мы наблюдаем ситуацию, когда созданные в советское время учреждения культуры существуют и сегодня, порождая своим присутствием новые инициативы, креативные проекты и т.д. Несмотря на разного рода законодательские решения они получают определен-

ное финансирование и, благодаря реформе, – внебюджетные доходы, выходя на самоокупаемость. Стоит сказать, что это удается не многим институтам.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13–32–01028 «Фрактальные структуры в социально-экономическом пространстве макрорегиона».
2. Муzychuk В.Ю. Должно ли государство финансировать культуру? М., 2012.
3. Там же. С. 49.
4. Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М., 1998.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953.
6. Там же. Ч. 2. С. 310.
7. Культурное строительство СССР: статистический сборник. М.; Л., 1940.
8. Печать СССР за 50 лет // Статистический очерк. М., 1967.
9. Шнирельман В. В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78).

References and notes:

1. The article was performed with financial support from the Russian Humanities Research Foundation, № 13–32–01028 “Fractal structures in the social and macro-economic environment”.
2. Muzychuk, VY 2012, *Whether the government should finance culture?*, Moscow.
3. Muzychuk, VY 2012, *Whether the government should finance culture?*, Moscow, p. 49.
4. Aymermaher, K 1998, *Politics and Culture under Lenin and Stalin. 1917-1932*, Moscow.
5. *CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums* 1953, Moscow.
6. *CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums* 1953, Moscow, part 2, p. 310.
7. *Cultural construction of the USSR: statistical yearbook* 1940, Moscow, Leningrad.
8. ‘Print the USSR for 50 years’ 1967, *Statistical essay*, Moscow.
9. Shnirelman, V 2011, ‘In search of identity: at the origins of the Soviet multiculturalism’, *NZ*, no. 4 (78).